

Все началось, как и во многих лучших историях, темной и бурной ночью.

Церковное собрание было переполнено, главным образом потому, что комитет продолжал приставать ко мне с просьбой занять должность казначея. Этот спор случался каждый год. - Бог дал нам всем таланты, Сьюзен, и он хотел, чтобы мы использовали их, - чопорно сказал Майк, наш священник.

Я выстрелила в него кинжалами из глаз, затем взглянула на свои часы. У меня болели плечи и спина. Я просто хотела быть дома. - Послушайте, что насчет того, если я соглашусь провести аудит счетов в конце финансового года? - По улыбкам я поняла, что попала в их ловушку. В таком темпе я действительно стала бы казначеем в следующем году.

К тому времени, когда собрание наконец закончилось, на улице лил дождь, и я промокла насквозь во время короткой прогулки к машине. "Спасибо, Майк", я кипела, возвращаясь домой в мокрой одежде в усиливающийся шторм. "Если бы ты закончил на две минуты раньше, вместо того, чтобы пассивно агрессивно цитировать мне Притчи..."

Так что я была не в лучшем настроении, когда вошла внутрь.

- Привет! Есть кто-нибудь дома? - Я стояла у кухонной раковины, вычерпывая воду из ботинка, и пыталась перекричать шум дождя и вой ветра.

Я прошла по коридору и постучала. Промедление стоило каждого пенни. По мере того, как поведение Кэсси ухудшалось, и она становилась все более несносной взрослой девочкой, было полезно держать ее здесь, вдали от главной арены семейной жизни. Я надеялась, что благодаря какому-нибудь чудодейственному событию она станет разумной, приятной, добродушной взрослой, когда ей исполнится 18. Не повезло. Я постучала снова. "Кэсси, дорогая?" Я позвала своим самым не угрожающим голосом мамы. Ответа не последовало.

Я вернулась по своим следам через кухню и гостиную, остановилась у подножия лестницы и закричала: - Я приишла! - Они, должно быть, ушли — может быть, даже заночевали у друзей, не в состоянии вернуться домой в такую погоду. "Эти чертовы дети. Я всегда говорю им: мне все равно, что вы делаете и где вы находитесь, если вы дадите мне знать об этом!"

Позвонить им было единственным решением, но позже. Прямо сейчас, что мне было нужно, так это горячая ванна. Хлюпая туфлями, я поплелась наверх и по коридору к своей комнате, когда услышала хихиканье и глухой стук. "Ох, кто-то дома."

- Джек? - Я постучала в его дверь и повернула ручку. - Дорогой, я... что за...

Я уловила вспышку груди, когда Кэсси лихорадочно застегивала блузку. Джек пытался натянуть штаны. Я в шоке уставилась на них.

- Мам, мы не слышали, как ты...

Кэсси протиснулась мимо меня, пытаясь прикрыть грудь. Я подняла с пола ее лифчик и швырнула в нее. - Ты забыла об этом. - Она поймала его и убежала.

Я указала пальцем на Джека: - Я разберусь с тобой позже.

Я захлопнула дверь и начала спускаться по лестнице. На полпути вниз я остановилась.

Что я видела? Это выглядело ужасно. Но разве не все братья и сестры играют в докторов и медсестер, спросила я себя. Может быть, но не тогда, когда им обоим по 18! Такого рода эксперименты могут иметь непредвиденные последствия. И из того немногого, что я видела, это выглядело так, как будто они планировали пойти намного дальше.

Тем не менее, эта пауза позволила мне остыть. Нет смысла кричать и обвинять. Мое сердце бешено колотилось, но разум был спокоен, когда я добралась до ее комнаты.

- Кэсси. Нам нужно поговорить.

Она приоткрыла дверь на несколько дюймов. - Мама, мне очень жаль. Мы просто дурачились. Это выглядело хуже, чем было на самом деле.

- Дурачились? С твоим братом-близнецом, Кэсси? Насколько хуже все стало бы?

Она опустила голову. - Мне очень жаль, мам. Это больше не повторится.

Ее глаза были красными. Я была в ярости, но сдерживала свой гнев. Это было ново для меня: кроткая, раскаивающаяся дочь. Она знала, что сделала что-то ужасное, и на этот раз она не могла отмахнуться от этого саркастическим ответом. Я должна была покончить с этим, но я была уставшей и раздражительной. - Уже поздно. Мы поговорим об этом завтра.

Я знала, что это была ее вина. Кэсси всегда была слишком развитой для своего возраста, физически и эмоционально. Моложе Джека (хотя всего на семь минут), но гораздо более искусной. Я могла себе представить, как она втягивает его в свою маленькую игру.

Ох, ладно, стоит признать, что Джек мой любимчик. Не потому, что я любила его больше, а потому, что он всегда был таким солнечным, легким мальчиком. Веселый, добрый, отзывчивый. Любить Джека было легко. И он не сошел с рельсов, когда достиг половой зрелости.

Выйдя из её комнаты, я собралась с духом. Я была больше расстроена, чем зла на свою дочь. Утром нам нужно было как следует все обсудить, но сейчас было не время для того, чтобы

набрасываться на неприятности.

- Джек?

- Мам, я иду спать. - Его голос звучал напряженно.

- Я просто хочу поговорить. - Я открыла дверь. Он стоял в центре комнаты в халате, выглядя так, словно вот-вот разрыдается.

- Не волнуйся, малыш. Я здесь не для того, чтобы наказывать тебя. Мы поговорим утром, втроем, и во всем разберемся. Потому что это серьезно. Это не просто преступление, Джек, это грех.

- Мам, я не знаю, что сказать. Я чувствую себя ужасно. Мне так стыдно. Я не знаю, что произошло. Кэсси, она...

- Не волнуйся, я знаю, что это вина Кэсси. Мой бедный мальчик. Как ты себя чувствуешь? - Я обняла его и прижала к себе.

- Болит голова.

- Сильно болит?

Он кивнул.

Я подвела его к столу, усадила в кресло и развернула к себе. - Давай, малыш. Один из запатентованных маминых массажей для плеч, это то, что тебе нужно.

Я начала разминать и сжимать его плечи. - Боже мой, ты так напряжен.

- Ох, мам. Это так хорошо. Это то самое место. Твои массажи самые лучшие.

- Мы так давно этого не делали, - размышляла я. - Я думала, ты становишься старше и больше не хочешь, чтобы твоя мать расслабляла твои плечи.

- Нет, мам, я всегда буду хотеть твои волшебные пальчики, - он повернул голову и снова посмотрел на меня, - это потрясающее ощущение.

Я улыбнулась ему в ответ. Мое сердце остановилось.

Его халат случайно разошелся, и он торчал наружу. Откровенно, безошибочно мужественный и твердый.

Мое сердце затрепетало, руки замерли. "Боже мой, Боже мой". Я знала, что это неправильно, но я не могла отвести взгляд, не могла оторвать глаз от пениса моего сына, его красивой головки, торчащей на эрегированном стебле сквозь прореху в его халате, щель блестела.

Он пожал плечами и потер шею. - Ты закончила, мам? Спасибо, это было потрясающе. Я чувствую себя намного лучше.

Казалось, что все синапсы в моем мозгу слились воедино. Я была в шоке. Я не могла говорить, не могла двигаться, едва могла дышать.

- Мама? Ты в порядке?

Я не могла оторвать взгляда от этой толстой головки члена с маленькой капелькой росы сверху. Каждый нерв в моем теле был начеку, а дырочка между ног горела огнем. Все, о чем я могла думать, было: член моего сына. Он великолепен.

- Мама...?

"Я его мать. Что я делаю?" Я закрыла глаза и убрала руки с его плеч. Неудержимо дрожа, я поплелась к двери. - С... спокойной ночи, люблю тебя, - это было все, что я смогла выдать. Я проковыляла по коридору в свою комнату и рухнула на кровать.

Мой сын. Я видела член моего сына, полностью стоящий, молодой и гордый, сочащийся соком.

И я нашла это самой захватывающей вещью в мире.

Я села, дрожа всем телом. "Что, черт возьми, со мной не так? Что, черт возьми, не так с этой семьей?"

Это была не я. У меня никогда не было фантазий об инцесте. Никогда.

Или? "Может быть", - подумала я, - "желание всегда было, но я подавляла его".

Я вспомнила, как опустошала его корзину для мусора и нашла пропитанные спермой салфетки, которые он забыл спустить в унитаз. Я улыбнулась — мой маленький мальчик совсем вырос! Но было ли что-то еще? Была ли я подсознательно возбуждена, держа в руках салфетки со спермой моего сына?

Я покачала головой — мысль о сексе с Джеком вызывала у меня отвращение и пугала. И все же, после того, что я только что увидела, это также возбудило меня сверх всякой меры.

Чего бы я только не отдала, чтобы сейчас иметь в руке эту влажную пригоршню салфеток, понюхать и попробовать их.

Мне нужно было подумать. Я наполнила ванну и вылезла из влажной одежды. Когда я легла в горячую воду, мои груди всплыли передо мной, единственное место, где они могли быть свободными, поддерживаемыми силой Архимеда. Соски выделялись, как жирные созревающие ягоды малины, поразительно розовые на фоне белизны моего тела.

Я пыталась рассуждать логически, пыталась придумать, как я буду говорить со своими детьми, твердо, но с любовью. "Это никогда не должно повториться. Это неправильно в глазах Бога и закона".

Но как я могла произнести эти слова, когда мое тело было в напряжении при воспоминании о том, что я видела в соседней комнате. Я закрыла глаза, но я все еще могла представить, как он сидит там, указывая на меня пенисом, блестящим от предварительной спермы. Как я ни старалась, мой разум не позволял мне отгораживаться от мыслей о том, что я могла бы сделать с его членом. Что он мог бы сделать со мной.

<http://tl.rulate.ru/book/3062/71301>